Сын Рима

Мы собрались в доме Песни Меча, первой Героини откликнувшейся на мой ненамеренный призыв в ночь похорон кириоса.

Она стояла, пока остальные сидели вокруг низкого стола из резного красного дерева. Здесь также имелись обеденные кушетки, разбросанные по всему дому, и их было достаточно, чтобы мы все могли сесть, если бы несколько из нас поделились, но я не потрудился притащить одну из них. Остальные последовали моему примеру и, с разной степенью приличия, уселись на голый пол.

Одна Элисса продолжала стоять, молча глядя на дальнюю стену. Первое, что я заметил в ней в ту первую ночь, – это шрамы, испещряющие в остальном безупречное телосложение. Второе, что я заметил, – это гнев. Не на меня за то, что я её окликнул, хотя и это присутствовало. Не на Грифона за то, что он ударил её по лицу, хотя и это, конечно, тоже присутствовало. И даже не на Тиранов и их игры.

Это была более глубокая ярость. Нечто, чему я не знал названия, но мог вычленить из толпы любого размера. Это была особая разновидность мучений, та, которая делает из человека ужасного гражданина и ценного солдата. Гай научил меня замечать сломленные души. Он научил меня отделять тех, для кого война – единственное спасение, от тех, кто сломается под тяжестью своих грехов.

Ты пришёл сюда в поисках своего мастера, не так ли? Можешь ли ты, глядя мне в глаза, сказать, что это было твоим единственным намерением? Эти люди – не твои солдаты. Они не обязаны тебе жизнью. Пока не обязаны.

Той ночью, пока старейшины Бушующего Неба били в свои барабаны, а дым костра безуспешно тянулся к звёздам, я почувствовал на ветру запах соли и пепла. Я заметил внимание высшей силы, кружащейся вокруг Скифаса, и проследил за её путём сквозь толпу с помощью своего растущего Софического чувства. То, что я нашёл остальных из троицы Грифона, было чистым совпадением. Вот и всё. Ничего из последующего не входило в мои планы.

Я обвёл взглядом стол, посмотрел на Героических культиваторов, что были в разы сильнее меня. Я посмотрел на ссутуленные плечи и настороженные глаза – пламя сердец, что мерцало, когда они встречали мой взгляд.

Любой человек пойдёт на войну за тебя, если ему дать соответствующий повод, племянник. Сражаться – это предназначение легионера. А найти легионера и убедить его в необходимости – это наше.

Я нахмурился и сжал кулак на столе. Я не за этим пришёл в Олимпию. Не сюда, не сейчас. Никуда и никогда более.

Я видел конец своего пути в медитации с Сократом. Превратить Карфаген в пепел и насыпать соль в разорванную грудь последнего демона. Один. Прожить достаточно долго, чтобы проглотить бьющееся сердце последнего пса, а затем вернуться к Пятому, где я и должен быть. Один.

Грифон не был не прав. Я хотел узнать, что скрывается за каждым из этих людей. Я хотел узнать, почему они приковали себя к Бушующему Небу, несмотря на то, что когда-то бросили вызов молниям невзгоды. Я хотел увидеть, как это будет исправлено. Но у меня не было иллюзий относительно того, куда ведёт этот путь. У Грифона в голове был идеал, мир, который был поэзией в той же степени, что и реальностью, и он ожидал, что всё остальное будет соответствовать этому видению.

Даже если случайные встречи и приведут к появлению истинных спутников, союз мог длиться лишь столь долго. Каждый человек стоит один против небес. В конце концов, они все отколются и снова заблудятся на своих собственных дорогах.

А если и не они, то я. Они были Греками. Каким бы ни был их путь, какие бы невзгоды ни выпали на их долю, Олимп Монс был их конечным местом назначения. Это было неизбежно, что я оставлю их всех позади. Всех. Даже Грифона. Для меня, конец был предрешён уже давно. Теперь не имело значения, какой путь я выберу.

Все дороги вели в Рим.

Пневма Элиссы сверкнула вокруг неё, напряжение, видимое в движение её плеч, когда она положила руку на меч. В другом конце комнаты единственный другой культиватор, не последовавший моему примеру, поднял голову с кушетки, на которой он дремал. Грифон моргнул и вяло улыбнулся.

— Как раз вовремя, — сказал он, и вскоре после этого в коридоре раздался яростный стук в дверь.

— 'Лефт! — сорвалась Элисса, бросившись в коридор. — Если ты сломаешь эту дверь!.. — Дверь с грохотом распахнулась.

— Я убью его!

— Тери, ты не можешь!

— Он должен сначала нас научить!

— Хо, значит, после этого убивать меня будет нормально? — весело спросил Грифон. Перевернувшись на бок, он подпёр голову одной рукой, а другую поднял в знак приветствия, когда в комнату ворвался Лефтерис.

— Ты! — прорычал лучник. Двое мальчишек тщетно пытались удержать его: меньший из них повис у него на шее, а больший пытался оттащить его за талию. Элисса шла следом, раздражённая, но и не желающая пока его останавливать. — Кем ты себя возомнил?!

— Я так рад, что ты спросил...

— Не надо, — устало сказал я. Грифон ухмыльнулся.

— Это не смешно! Ничего из этого не смешно! — Лефтерис разбушевался, его пневма резко поднялась.

— Расслабься. — Элисса схватила его за плечо. Там, где двое мальчишек Граждан, вместе взятых, не смогли даже замедлить его, эта рука остановила его как вкопанного. Лефтерис издал беспомощный рык.

— Ты же знаешь, что это не смешно, — сказал он ей.

— Согласен, — хмыкнул Кайно. — Но это то, кто он есть. Мы ничего не добьёмся, если позволим ему задавать темп.

— Как раз наоборот, — поправил Грифон громадного культиватора в крокодиловой шкуре. Алые глаза блестели в слабом свете пламени домашнего очага. — Если бы ты только последовал моему примеру, то не успел бы и оглянуться, как оказался бы в конце пути.

— По кусочкам, скорее всего, — пробормотал Скифас, опираясь подбородком на скрещенные руки на столе рядом со мной.

— Ты не имел права, — обвинил Лефтерис бывшего Молодого Аристократа Розовой Зари. — Не имел права уводить их, когда я велел им оставаться здесь!

— Не имел, — согласился Грифон.

— Как будто мало было забрать их из дома, ты забрал их из самого города! В дикие земли!

— Всё было не так, Тери, — запротестовал старший из двух мальчиков. Младший нахмурился и крепко обхватил Героя за шею, изо всех сил пытаясь его придушить.

— Мы сами можем о себе позаботиться.

— И что бы ты сделал, если бы они пострадали? — спросил Лефтерис, стряхивая с себя руку Элиссы и подаваясь вперёд. Кайно поднялся из-за стола, но Грифон отмахнулся от него. Джейсон откинулся на локти, скрестив ноги под столом. Напротив меня Анастасия наблюдала за происходящим со спокойным интересом. — И сделал бы ты хоть что-то? Если бы зверь схватил их, пока ты смотрел в другую сторону, увлечённый какой-нибудь блестяшкой, – заметил бы ты это вообще?

— Такая подозрительность, — безразлично ответил Грифон. — Как жестоко. Разве можно так обращаться с другом? — Героический лучник скрипнул зубами.

— Мы не друзья. Мы никогда не будем друзьями.

— Я же говорил вам, мальчики, — сказал Грифон, не прерывая зрительный контакт. Оба рыжеволосых мальчишки внимательно посмотрели на него. — Сердце вашего опекуна находится в правильном месте. Но, к сожалению, остальное часто уходит не туда.

— Не разговаривай с ними, — огрызнулся Лефтерис. В его глазах вспыхнуло пламя. — Даже не смотри на них!

— Или что?

— Хватит.

Внимание двух мальчишек и шести Героических культиваторов тяжело упало на мои плечи. Добродетель капитана донеслась через мой голос и притянула их взгляды ко мне. Всех, кроме Грифона.

Гравитас – это Римское тщеславие, мальчишка. Ты никогда не задумывался о том, какое

влияние он может оказать на душу Грека, потому что раньше это никогда не имело значения. Но теперь ты лишился этой роскоши. И если ты хочешь хоть чего-то добиться до того как ты снова превратишься в составные элементы, то тебе снова придётся найти своё место в этом мире. И помни, что какими бы ни были правила в легионах, и какими бы ни были твои пределы раньше, ты должен помнить, что они не обязательно будут такими же под Греческим небом.

Шесть Героев были подвержены влиянию слова капитана, пока Философ второго ранга игнорировал его. Я не знал, почему. Но я знал, что мне придётся выяснить.

Ну а пока – работа.

— Я прошу прощения за Грифона, — сказал я Хранителю с Золотой Тетивой, встретив его горящий взгляд настолько откровенно, насколько мог. Наконец он выдохнул и отвёл взгляд.

— Он должен извиниться за себя.

— Это невозможно для него, — сказал я. — Его жизненное дыхание обратилась бы против него – он взорвётся.

Джейсон фыркнул от смеха, больше удивившись, чем найдя это смешным. Скифас спрятал лицо в скрещенные руки, чтобы скрыть внезапную ухмылку, а Анастасия скривила губы. Напряжение в комнате слегка спало, и Герои немного расслабились.

— Мой мастер издевается надо мной, — сетовал Грифон. — И это после всего, что я сделал, чтобы спасти его от лапающих рук того старика.

— Значит, это правда? — спросила Элисса, наконец-то заняв место за столом после того, как заставила Лефтериса и его мальчиков сесть первыми. — Послание, которое ты отправил с орлом, – Овод действительно взял тебя в ученики?

— Ученик… это не совсем верное слово. — Точнее, Овод взял меня по долгу учителя, как дальнего наставника моего собственного мастера. Но даже так, он взял меня так же, как человек берет на воспитание дикую собаку. Держа меня подальше от вежливого общества и поклявшись выбить из меня волка, пока я не стану цивилизованным – что бы это ни значило для Грека. — Но да, он предложил мне свою мудрость на данный момент.

Лефтерис и Кайно обменялись взглядами. Анастасия хмыкнула, наклонившись ко мне через стол.

— Это довольно большая честь, — сказала она со значением в каждой интонации. — В наши дни Овод не предлагает свою мудрость просто так. — Она отказалась от культового одеяния с тех пор, как её украла пара голодных Во́ронов, и теперь чёрная ткань ниспадала на стройные мраморные руки, когда она наклонялась, изумрудные драгоценные камни мерцали, свисая из каждого её уха. С тех пор как я видел её в последний раз, она заплела волосы во что-то более искусное: густо переплетённые косы того же цвета, что и платье, перекинутые через одно плечо. Почему-то в таком виде она выглядела более грозно, чем с окровавленным дротиком в руке.

— Я возьму то, что мне дадут, — просто ответил я.

— Разумеется.

Рука панкратиона шлёпнула по столу между нами, положив в центр потрёпанную папирусную карту. Анастасия откинулась назад, а остальные Герои и дети за столом подвинулись ближе.

— Как бы мне ни нравилось видеть ваши улыбающиеся лица, собранные здесь вместе... — Грифон заговорил с другого конца комнаты.

— Сегодня мы позвали вас для более важной цели, — закончил я, поняв его намёк. Разгладив старую карту, я позволил каждому из них осмотреть её. Джейсон и Скифас уже видели её в поместье кириоса, но они снова сосредоточенно рассматривали её.

— Мы действительно это делаем, — пробормотал Джейсон. Скифас рассеянно кивнул, пробежав глазами по различным отметкам.

— Похоже на то.

— Что "делаем"? — потребовал Лефтерис.

— Что это? — тихо спросил Кайно.

— С момента нашего последнего разговора я узнал несколько вещей, — объяснил я. — Природу риторики мудреца, масштабы голода покойного кириоса и многое другое.

Необъяснимое влияние Вавилонского осколка колебалось у меня на языке. Эта жуткая каменная скрижаль со всеми основополагающими мифами, начертанными на её меняющейся поверхности – на каждом языке человечества, – оставила на мне свой след, проникла в мои глаза, когда я читал её, и осела на поверхности моего языка. Готовая и желающая служить моим нуждам. После того как я вернулся и закончил чтение Теогонии, и Энеиды, понимание множества языков Средиземноморья укрепилось в моём сознании.

Это было такое удобство, что я с трудом мог поверить, что оно вообще может быть доступно человеку. Но если моя интуиция была права, то этот феномен объяснял жуткую способность Грифона переводить свои слова почти на дюжину разных языков, произнося при этом всего один набор слов. Это также объясняло, почему ни один из Героических культиваторов, с которыми мы до сих пор сталкивались, без проблем мог понять Латынь, на которой я говорил по привычке. Идеальный перевод. Лёгкое понимание, обусловленное древней реликвией.

Временами, Греческие города казались мне такими же варварскими, как и палаточные королевства, и болотные империи западного фронта. А потом наступали моменты, когда они так непринуждённо вытаскивали древние сокровища, за которые Сенат мог бы развязать войну. И я снова вспоминал, насколько молод мой город в великой схеме вещей.

Насколько молод он был.

Мой кулак сжимался и разжимался на столе. В любом случае. Я бы не стал пока упоминать об этом лингвистическом откровении. До сих пор я без проблем разговаривал с Героическими культиваторами на Латыни, и у меня не было причин менять это. Пусть думают, что это был мой осознанный выбор. В противном случае это был бы удар по репутации, которую у меня не было выбора кроме как поддерживать.

— Я также узнал кое-что об Оракуле Алого Города, — нейтрально сказал я. Кайно и Элисса настороженно посмотрели на Грифона, сидящего в другом конце комнаты. Теперь для этого

уже лишком поздно.

— Мы выяснили что девушка, что называет себя провидицей, на самом деле вообще не провидица, — сказал Грифон, его влияние странно сжималось и разжималось вокруг него. В таком настроении, в каком он был во дворе, я не видел его уже несколько месяцев. Он был взволнован до мозга костей.

— Пока нет, — сказал я, и он насмешливо хмыкнул.

Анастасия приподняла бровь, в её стойке было что-то любопытное. Слева Элисса барабанила пальцами по полированному дереву столешницы.

— Это все знают, — сказала Песнь Меча, не в силах больше сдерживаться. — Ты хочешь сказать, что великие Солус и Грифон только сейчас догадались об этом?

— Элисса, — предупредил её Кайно.

— Что? Вначале они втянули нас во всё это, потом он пошёл и заманил к себе Оракула из-под носа её отца, и теперь он говорит, что понятия не имел, чем эта девушка является на самом деле?

Проклятье. Я заставил мои зубы не сжиматься, моё дыхание – не сбиваться. Проклятье. Я должен был знать, что они знают. Я должен был знать…

— Минуточку, — пробормотала Анастасия. — Почему-то мне кажется, что они говорят не то, о чём ты думаешь.

Элисса нахмурилась: «Что ты имеешь в виду?»

— Известно, что предыдущий Алый Оракул отошла от дел после родов, да, — сказала Анастасия, бросив косой взгляд на шрамованую Героиню, — хотя говорить, что это общеизвестно, довольно неискренне. Кроме того, известно, что нынешний Алый Оракул не смогла бы совершить необходимое путешествие, чтобы быть коронованной во владениях своего покровителя.

— Потому что Алый Город – это остров под солнцем, — размышлял Грифон.

Потому что Дэймон Этос был Дэймоном Этосом.

— Последний Оракул умерла при родах, а новый ещё не помазан. Ну и что? — спросил Лефтерис. Едкие зелёные глаза рассматривали его, и детей сидевших по обе стороны от него. Мальчики покраснели от тлеющего внимания Героини.

— То, — решила Анастасия, — что они не сказали, что она не помазанная провидица. Они сказали, что она вообще не провидица.

— Что значит… — Элисса нахмурилась, шрам на её челюсти искривился. — Невозможно.

— Невероятно, — поправила её Анастасия. Обе Героини пристально посмотрели друг на друга. Затем, как одна, они повернулись ко мне.

— Что ты пытаешься сказать нам, Солус? — спросил меня Кайно, и тусклые глаза его

крокодилового плаща, казалось, мерцали и сужались в слабом свете очага. Ну что ж. Теперь у меня было мало вариантов.

— У Селены нет величия оракула, — сообщил я им. И потом, словно только вспомнив. — И её мать ещё жива.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3624712